

Прошло пять дней, прежде чем раны Су Яня затянулись настолько, что он смог подняться с постели.

За это время уличный посол Пэй Цзинсин успел допросить Шангуань Юня, и тот во всех подробностях поведал, как именно сжил со свету свою вторую супругу.

Около года назад, когда Шангуань Юнь всё ещё оплакивал безвременно ушедшую жену, его отыскал бродячий даос Вань. Скиталец вкрадчиво нашептал безутешному вдовцу, будто душа его покойной Юнь-нян до сих пор мается и страдает в глубинах Жёлтого источника. Но выход есть: при должном усердии он способен вызволить её из посмертного плена.

Шангуань Юнь, ослеплённый горем, легко поддался на эти сладкие речи. Он принял заезжего колдуна как почётного гостя, исполнял малейшие его прихоти и не скупился на золото. Единственное, чего он жаждал, — вернуть Юнь-нян. Ту самую, что много лет назад, потеряв дитя, долго чахла на ложе болезни, пока её безжалостно не прибрала смерть.

По словам даоса Ваня, прежнее тело Юнь-нян давно истлело в сырой земле и превратилось в прах, а потому для возвращения не годилось. Единственным спасением оставался поиск подходящего живого сосуда — плоти с таким же раскладом звёзд в судьбе, как у покойной, чтобы мятежному духу было за что зацепиться, вырвавшись из преисподней.

Этой злосчастной жертвой суждено было стать Шэнь Хуньин.

Отыскав нужный сосуд, Шангуань Юнь разыграл искусный спектакль. Он подстроил «случайную» встречу в храме, куда Шэнь Хуньин отправилась курить благовония. Юная и простодушная девица, не ведавшая фальши, не смогла устоять перед натиском ухаживаний искусённого вельможи. Сердце её быстро дрогнуло, и она без памяти влюбилась.

Хотя Шангуань Юнь был старше невесты на добрый десяток лет, это мало кого смутило. Во-первых, нравы в Великой Чжоу отличались свободой, и неравные браки, хоть и вызывали толки, редкостью не считались. Во-вторых, видя, как дочь сохнет по жениху, супруги Шэнь уступили. К тому же о его преданности первой супруге ходили легенды — они надеялись, что и с их дочерью он будет столь же нежен и заботлив. В-третьих, жених занимал пост заместителя министра в Храме Императорских Жертвоприношений, а это чин четвёртого ранга. В ведомстве ритуалов и музыки традиционно служили отпрыски знатных семейств, и он, будучи наследником именитого рода, обладал весом при дворе. Как раз в это время старший брат Шэнь Хуньин домогался назначения на прибыльную должность в провинции, и столь знатное родство пришлось как нельзя кстати.

Боясь, как бы дело не сорвалось, Шангуань Юнь сразу после согласия сватов поспешил со всеми обрядами. Свадьбу сыграли наспех, но с таким небывалым размахом и пышностью, что у родителей невесты отпали последние сомнения. Они и не догадывались, что этим пиршеством зять праздновал вовсе не новый союз, а грядущее воскрешение покойной жены.

Несчастливая Шэнь Хуньин, трепетно ожидавшая брачной ночи, и помыслить не могла, что её ложе станет плахой. В ту же ночь её плоть бесцеремонно захватили, а собственную душу выбросили вон. Лишённая пристанища, она была обречена до самого рассвета бесприютной тенью метаться вокруг поместья Шангуань.

Служанка Баоинь, выросшая бок о бок со своей госпожой, быстро почуяла неладное. «Молодая хозяйка» изменилась до неузнаваемости: и повадки, и вкусы стали совсем чужими. Чтобы тайна не выплыла наружу, Шангуань Юнь без колебаний лишил Баоинь жизни, а её гибель списал на бесчинства злого духа — на деле же это была неприкаянная душа Шэнь Хуньин, которая пыталась прорваться в дом и вернуть своё тело.

После этого негодяй под предлогом того, что его супруга пережила страшное потрясение и панически боится прежних слуг, разом выгнал из внутреннего двора всю челядь. Вместо них он приставил к ней старых служанок, некогда преданно прислуживавших Юнь-нян.

С этого мига в усадьбе никто и знать не знал, что под маской новой госпожи скрывается прежняя покойница.

Закончив рассказ, Пэй Цзинсин умолк и сделал глоток остывшего чая.

— Шангуань Юнь загубил молодую жену, приказал убить её верную служанку и косвенно лишил жизни ещё пятерых ни в чём не повинных людей, — тихо проговорил уличный посол. — Для такого выродка обычная плаха — слишком лёгкое избавление.

Су Янь лишь согласно кивнул в ответ.

— Суд приговорил его к вечному изгнанию на северную границу, в ледяную пустошь, — в голосе Пэй Цзинсина не было ни капли жалости. — Поместье и всё имущество конфисковано в казну. Наследников у него нет, близких родственников тоже — на этом род Шангуань пресёкся.

Даже если преступник переживёт долгую и мучительную дорогу в кандалах, на месте его встретят лишь безжалостный полярный ветер и вечные снега.

Душу Юнь-нян, которую Су Янь силой изгнал из чужой плоти, постигла печальная участь. Вырванная некогда из чертогов мёртвых волей даоса Ваня, она не могла самостоятельно отыскать тропу обратно к Жёлтому источнику. Оставшись без спасительного прибежища, её призрачная суть без следа растаяла в пустоте, обречённая на вечное небытие.

Что до Шэнь Хуньин, то с помощью Гао Цзэкая её дух удалось вернуть в собственное тело. Увы, большая часть тонких сфер её души безвозвратно рассеялась во тьме, отчего бедняжка лишилась рассудка и впала в беспамятство. Высочайшим указом Императора их брак был расторгнут. Родители забрали дочь в отчий дом, надеясь выходить её в покое, и первым делом вознамерились избавить её от нечестивого плода во чреве. Но стоило лекарю или повитухе

коснуться её живота, как несчастная заходилась безумным криком, судорожно цеплялась за подол и забивалась глубоко под кровать.

Никто не мог взять в толк, отчего её разум столь отчаянно противится. Гао Цзэкай попытался навестить её, но стоило ему войти, как девица забилась в падучей и принялась расшибать лоб о каменную стену. Перепуганные родители поспешили выпроводить молодого мага за ворота.

Супруги Шэнь до глубины души ненавидели зятя и питали понятное отвращение к плоду его противоестественной связи с восставшей мертвечиной. Но видя, что дочь готова расстаться с остатками жизни ради спасения дитя, они смирились и окружили её заботой.

Сам же загадочный даос Вань бесследно растаял в ту роковую ночь, словно его никогда и не было.

— Но чует моё сердце, тут кроется нечто большее, о чём нам знать не положено, — Пэй Цзинсин пришёл сегодня навестить больного товарища, но профессиональная привычка гвардейца взяла своё, и он незаметно перешёл к рассуждениям. — Генерал Шэнь с глазу на глаз намекнул мне, что в дело вмешался сам Император. Его Величество лично отдал какой-то тайный указ. Опасаюсь я, как бы этот проклятый Вань всё ещё не крутился в Сицзине. Будь начеку эти дни. По ночам я на дежурстве, случись что — не успею прийти на выручку.

Выслушав его, Су Янь долго сидел неподвижно.

— А где мои глазурированные жемчужины? — наконец спросил он.

— Их забрал Государственный наставник.

Су Янь мгновенно подобрался, он выглядел крайне обеспокоенным:

— Я должен вернуть их! Сейчас же!

Пэй Цзинсин поспешно удержал его за плечо:

— Окстись, ты едва на ногах стоишь! И что ты ему сделаешь в таком состоянии?

Договорить он не успел. Дверь скрипнула, и в комнату без стука вошёл сам Чжоу Юйи.

— Неужели достойному Су так не терпится вновь вкусить сладость отката? — с порога мягко осведомился Государственный наставник.

Су Янь смерил вошедшего тяжёлым, колющим взглядом, но промолчал.

— Глазурованные жемчужины — вещь отменная для укрощения и очищения тварей, спору нет,
— Государственный наставник прошёл вглубь комнаты, проигнорировав враждебность юноши.
— Но и обратный удар от них страшен. Вся ярость, обида и предсмертные муки тех призраков, которых ты в них заточил, тяжёлым бременем ложатся на твою собственную душу. Насколько мне известно, в усадьбе Шангуань одна из жемчужин не выдержала и обратилась против хозяина.

— Не твоего ума дело, — процедил сквозь зубы юноша. Ему претила сама мысль выказывать слабость перед давним соперником своего наставника. Да и в поучениях этого человека он не нуждался.

Чжоу Юйи окинул его неторопливым взглядом.

— Душа, покинув бrenную оболочку, обязана предстать перед Жёлтым источником в ожидании нового круга перерождений. Если каждый заклинатель примется без разбору клеймить и запирать всякую тень, то не иссякнет ли людской род на этой земле?

Су Янь густо покраснел, но возразить ему было нечего.

— Твои жемчужины — грозное оружие, но и откат от них вдесятеро сильнее, чем от обычных амулетов. В этот раз боги миловали, и ты чудом избежал гибели. Но что ты станешь делать, когда смерть заглянет тебе в глаза вновь? — Государственный наставник сделал паузу, устремив на него пронизывающий взгляд. — Ты ведь прибыл в столицу по воле учителя, дабы бросить мне вызов. Сгинуть от собственной глупости, так и не завершив предназначение... стоит ли оно того?

Эти слова уязвили юного даоса в самое сердце. Он вскинул голову и твёрдо произнёс:

— Я не умру, пока не одержу над тобой верх.

Чжоу Юйи на мгновение опешил, а затем искренне, раскатисто рассмеялся:

— Славная спесь, дитя моё! Вот только в поднебесном мире на одном упрямстве далеко не уедешь. Старик Су Фу вложил в твою голову немало премудростей, но лишил тебя собственного ума. Будешь и дальше слепо идти по его стопам — превратишься в бледную тень своего учителя. Мой тебе совет: задержись в Сицзине. Смотри по сторонам, размышляй, учись говорить от своего имени. Быть может, тогда ты и впрямь дорастёшь до того, чтобы сразиться со мной на равных.

Су Янь с сомнением сощурился.

«Неужели этот старый лис говорит искренне? Или это очередная ловушка?»

Он попытался разглядеть в глазах Чжоу Юйи следы лукавства, но тот оставался безмятежен.

Государственный наставник мягко улыбнулся и раскрыл левую ладонь. На ней, тускло мерцая в полумраке, покоились четыре безупречно чистые, прозрачные жемчужины.

— Те духи, которых ты успел пленить, уже переданы монахам из Храма Громовой Благодати для должного очищения и упокоения, — сказал он, протягивая артефакты юноше. — Оставшиеся сосуды я возвращаю тебе. Наполнять их вновь или выбросить — решай сам.

Су Янь принял жемчужины. Он заметно колебался, но всё же выдавил из себя:

— Благодарю.

Чжоу Юйи лишь снисходительно кивнул в ответ, вежливо попрощался взглядом с притихшим Пэй Цзинсином и направился к выходу.

— Пстой, — окликнул его Су Янь.

Покопавшись в ворохе своего изорванного в дорожных схватках платья, он извлёк на свет небольшой кусок потемневшего от времени нефрита и швырнул его Государственному наставнику.

— Это ты когда-то отдал моему учителю, велел почитать сей камень как тебя самого и ежедневно совершать перед ним три земных поклона. Прошло двадцать лет. Учитель велел передать, что слово своё он сдержал, и теперь возвращает этот долг.

Поймав камень на лету, Чжоу Юйи лишь покачал головой с тихой, грустной ухмылкой и покинул комнату под раскаты собственного негромкого смеха.

У врат Храма Высшего Таинства переминался с ноги на ногу Гао Цзэкай. Завидев выходящего наставника, он поспешил навстречу:

— Учитель, как поживает Су Янь? Насколько тяжелы его раны?

— Идёт на поправку, — коротко отозвался тот.

Они сели в поджидавший их экипаж. Гао Цзэкай всё качал головой, не в силах скрыть изумления:

— Невероятно... В ту ночь его тело было буквально истерзано откатом магии. Я был уверен, что он не доживёт до рассвета. Как ему удалось выкарабкаться?

— Он далеко не так прост, как кажется.

В душе первого ученика шевельнулась тревога.

«Что же вы задумали, учитель? Почему не избавились от него, пока была возможность?»

Гао Цзэкай внутренне содрогнулся от недоброго предчувствия, но вслух произнёс совсем иное:

— Позвольте спросить, что вы имеете в виду, учитель?

Чжоу Юйи лишь отмахнулся:

— Одному небу известно, где Су Фу раздобыл этого мальчишку. Но сдаётся мне, суждено ему стать моим главным испытанием на жизненном пути.

Тогда Гао Цзэкай решился задать вопрос, мучивший его уже не первый день:

— Учитель, отчего же вы в ту ночь переменили решение и сохранили ему жизнь?

— Мой путь всегда был слишком гладок, — отозвался Чжоу Юйи, устремив взор на проплывающие за окном повозки улицы столицы. — Всякое моё начинание венчалось успехом. Но этот юнец вылеплен из другого теста. На его долю выпали такие испытания, которые сломили бы любого взрослого. Пройдёт время, и он обретёт истинное величие.

Гао Цзэкай на мгновение проявил тёмную, беспощадную решимость:

— Но ведь он — ваш заклятый враг. Зачем оставлять змею в живых, когда можно раздавить её во младенчестве?

Государственный наставник тихо, с горечью усмехнулся:

— Ответь мне, ученик: за последние десять лет я продвинулся хоть на шаг в своём искусстве?

Гао Цзэкай опешил. Догадка, холодная и очевидная, замаячила в его разуме, но высказать её вслух он не посмел.

— То-то и оно, — кивнул Чжоу Юйи, не дожидаясь ответа. — Мои силы не просто замерли — они мало-помалу угасают. Без достойного соперника разум ленится, а дух засыпает. И ты, и я с пелёнок получали всё, чего желали. Твоя жизнь сложилась даже беззаботнее моей. Оттого ты и привык действовать лишь тогда, когда победа уже у тебя в кармане. В твоих поступках нет той отчаянной, безумной отваги человека, припёртого к стене. Взять хотя бы дело о Полулицем

призраке — положи руку на сердце, смог бы ты превзойти Су Яня? Нет. Так что его аура здесь — благословение для нашего самосовершенствования.

Хотя в душе Гао Цзэкай остался при своём мнении, перечить наставнику он не решился и лишь покорно склонил голову:

— Понял вас, учитель.

Старый маг скользнул по нему испытующим взглядом:

— Я знаю, о чём ты думаешь. Но помни: лишь в горниле жестоких невзгод куется клинок, способный постичь истинное Дао.

Гао Цзэкай вздрогнул от этих слов и поспешно вымолвил:

— Слушаю и повинуюсь.

<http://bllate.org/book/18419/1810266>